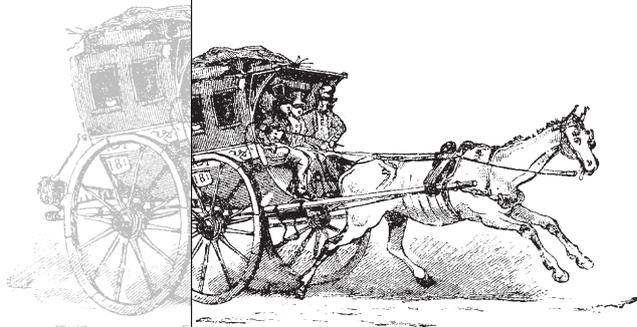

О КУЧЕРАХ И ФОРЕЙТОРАХ

Игорь Добродомов,

профессор Московского государственного педагогического университета, доктор педагогических наук

Игорь Пильщиков,

старший научный сотрудник Института лингвистических исследований при МГУ им. Ломоносова

В XX веке отечественная история, казалось, ускорила свой ход. За относительно небольшое время дважды кардинально изменился жизненный уклад. По мере того, как увеличивается временная и культурная дистанция, всё менее отчётливыми становятся для нас очертания дворянской России XIX столетия. Поэтому, читая произведения русской классической литературы, мы оказываемся в положении иноземцев, не вполне знакомых с языком и бытом чужой страны.

Другая причина разного рода недо-разумений — кажущаяся понятность языка позапрошлого столетия. Мы не всегда понимаем Пушкина, в том числе потому, что плохо знаем его язык: «Здесь имеет место явление, близкое тому, что принято называть «ложными друзьями переводчика» [...] но только действующее в сознании читателей, уверенных, что они читают текст на своём языке, тогда как на самом деле они переводят его с другого (пусть близкого, но другого!) — если не языка, то состояния языка, и переводят, как выясняется, с более или менее серьёзными ошибками»¹.

¹ Пеньковский А.Б. Загадки пушкинского текста и словаря: Опыт филологической герменевтики. М., 2005. С. 9.

Зачастую мы не только не постигаем особенностей пушкинского словоупотребления, но и не знаем самих норм, с которыми поэт не мог не считаться. Более того, нам иногда неизвестно даже буквальное значение слов, давно знакомых нам из книг: «Иллюзорное представление о «понятности» произведения скрывает от сознания современного читателя огромное число непонятных ему слов, выражений, фразеологизмов, имён, намёков, цитат. Задумываться над стихом, который знаешь с детства, представляется ничем не оправданным педантизмом. Однако стоит преодолеть этот наивный оптимизм неискушённого читателя, чтобы сделалось очевидно, как далеки мы даже от простого текстуального понимания романа»². Между тем разузнать, что означают те или иные редкие слова и выражения, не так-то просто. В комментариях к художественным произведениям постоянно встречаются лакуны и неточности: литературоведы не всегда учитывают результаты изысканий историков и лингвистов, а многие проблемы до сих пор недостаточно освещены в науке. Иной раз, не найдя в словарях и справочниках толкования непонятого слова, комментаторы оставляют его без объяснений

² Лотман Ю.М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин»: Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста. Тарту, 1975. С. 5.

или же предлагают собственную, порой весьма произвольную интерпретацию.

Причины, по которым в литературные примечания попадают недостоверные сведения, подчас кроются не столько в недобросовестности комментаторов, сколько в незаинтересованном отношении создателей толковых словарей к редким и забытым словам и оборотам. Дело в том, что большинство современных академических толковых словарей имеют нормативный характер, поэтому нестандартные слова и значения, особенно устаревшие, обычно ими не фиксируются. Потребность в учёте необщепотребительных языковых явлений вызвала к жизни целую серию словарей редких слов, выходящих в свет со второй половины 1990-х годов. Рецензенты отдавали должное замыслам составителей этих словарей, но вместе с тем указывали на многочисленные промахи в трактовках слов и выражений и ненадёжность лексикографической базы. К сожалению, у подобных изданий есть ещё один серьёзный недостаток: почти все они представляют собой компиляции и содержат критически не осмысленный материал. Поэтому вместе с полезной информацией в них проникают стародавние погрешности и прямые ошибки, кочующие из словаря в словарь. Таким образом, довольно часто ни личный культурный опыт, ни интуиция, ни комментарии, ни современные словари не способны помочь читателю понять текст.

По замечанию В.В. Виноградова, «для Пушкина слово, фраза, помимо своих вещественных значений, были отягчены отслоениями литературной традиции, литературных стилей. Быт и литература сочетаются в предметно-смысловых формах пушкинского слова и тем углубляют его семантическую перспективу»³. Исследование литературной культуры, безусловно, приближает нас к пониманию тех «значений, которые как бы просвечивают сквозь прямые значения слова в поэтическом языке»⁴. Однако решению задач, относящихся к ведению истории литературы и поэтики, должен, по нашему мнению, предшествовать скрупулёзный анализ словарных данных.

³ Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 117.

⁴ Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 247.

* * *

В наши дни гужевой транспорт стал экзотикой, развлечением для туристов. Связанная с ним терминология ушла из общепотребительного языка и сегодня по большей части неясна (см. нашу заметку о слове *облучок* в «Пушкинском альманахе» 2004 г.). В этом отношении не является исключением описание сборов Лариных в Москву в седьмой главе «Евгения Онегина»:

**Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра.
И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач:
Ведут на двор осмадцать кляч,**

XXXII.

**В возок боярский их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой кибитки нагружают,
Бранятся бабы, кучера.
На кляче тощей и косматой
Сидит форрейтор бородатый.**

По неточному толкованию «Словаря языка Пушкина», *фор(р)ейтор* — это «Верховой кучер, правящий передней парой лошадей при упряжке *цугом*». Ошибочное отождествление *форейтора* с *кучером* встречается уже в начале XX в. — например, в некогда популярном «Карманном словаре иностранных слов» Н.Я. Гавкина (Изд. 20-е. Киев, 1903. С. 684): «**Форейтор** нем. — кучер, управляющий передней парой лошадей при езде четвёркой или шестёркой».

Подобные определения повлияли на словари советской эпохи и в том числе на знаменитый «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (М., 1935–1940): «**Форейтор** [нем. *Vorreiter*] (устар.). При запряжке цугом: кучер, сидящий верхом на одной из передних лошадей». С незначительными изменениями это определение было перенесено в словарь С.И. Ожегова (М., 1949) и в первое издание малого 4-томного академического «Словаря русского языка» (М., 1957–1961), где оно снабжено цитатой из «Евгения Онегина»: «**Форейтор** [...] Кучер, сидящий на передней лошади при запряжке цугом. *На кляче тощей и косматой Сидит форейтор бородатый.* Пушкин, Евгений Онегин. [Нем. *Vorreiter*]». Похожее определение (но уже с указанием функции форейтера) даёт с 1979 г. «Словарь иностранных слов»: «**Форейтор** [нем. *Vorreiter*] — кучер, управляющий лошадьми в упряжке и сидящий на одной из них (при запряжке цугом — на передней)». Последняя формулировка дословно повторена в «Онегинской энциклопедии» (М., 2004. Т. II. С. 653).

Неправомомерность даже частичного отождествления *форейтора* (нем. *Vorreiter*, от *vorreiten* 'ехать верхом впереди') и *кучера* (нем. *Kutscher*, от *Kutsche* 'каре́та, повозка') показывает уже приведённая выше цитата из «Евгения Онегина», в которой *форейтор* и *кучера́* упомянуты отдельно. То же противопоставление находим у Пушкина в наброске повести «На углу маленькой площади...» (1830–1832):

«На углу маленькой площади, перед деревянным домиком, стояла карета, явление редкое в сей отдалённой части города. Кучер спал лёжа на козлах, а форейтор играл в снежки с дворовыми мальчишками».

Чем *форейтор* отличается от *кучера*, можно понять по одному пассажиру из романа А. И. Герцена «Кто виноват» (ч. I, гл. II):

«Алексей Абрамович Негров, отставной генерал-майор и кавалер [...] завёл себе две четвёрки прекрасных лошадей, холил их, учил денно и ночью словами и руками кучера, сам преподавал тайну конной езды форрейтору... Так прошло года полтора; наконец кучер выучился сидеть на козлах и держать возжи, форрейтор выучился сидеть на лошади и держать поводья, — скука одолела Негрова [...]».

В формах *форрейтер* и *фурайтор* обсуждаемое слово пришло в русский язык из немецкого ещё в Петровскую эпоху. В «Словаре разноязычном, или толкованиях Еврейских, Греческих, Латинских, Французских, Немецких и прочих иностранных употребляемых в русском языке, и некоторых Славянских слов» (он же «Русской словотолк»), который включён в состав знаменитого «Писмовника» профессора и кавалера Н. Г. Курганова (первое издание этой книги вышло в 1769 г. под заглавием «Российская Универсальная Грамматика»), даётся разъяснение: «*Форрейтор*, вершник»⁵. Тем же словом *вершник* немецкое *Vorreiter* переводится в «Немецко-латинском и русском лексиконе» Э. Вейсмана (СПб., 1731. С. 727; Изд. 3-е. СПб., 1799. С. 928). «Полный немецко-русский Лексикон, из большого грамматико-критического Словаря господина Аделунга составленный» (СПб., 1798. Ч. 2. С. 873) даёт уже два русских соответствия *der Vorreiter*: «вершник, ездовой». А «Полной Французской и Российской Лексикон, с последнего издания Лексикона Французской академии на Российской язык переведённый» (СПб., 1798. Ч. 2. С. 373) так объясняет французское слово *postillon*: «POSTILLON [...] Ямщик, почтарь, поч-

⁵ *К[урганов] Н.* Российская Универсальная Грамматика, или Всеобщее Писмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения Русскому языку с семью присовокуплениями разных учебных и полезноразвлекательных вещей. СПб., 1769. С. 413.

тилион; также форрейтор, вершник». Более детальное толкование находим в словаре Н.М. Яновского:

«**ФОРРЕЙТЕР**, Нем. Вершник, правящий в цугу или четвёрке переднюю парю лошадей»⁶.

Академический «Словарь Церковно-Славянского и Русского языка» (СПб., 1847) колеблется между написанием, которое мы находим в тексте «Евгения Онегина», и тем, что победило в дальнейшем, став единственно допустимым:

«**ФОРРЕЙТОР** [...] То же, что форейтор».

«**ФОРРЕЙТОР** [...] Вершник, правящий переднюю парю лошадей, при запряжке четвернею, или более».

Определение словаря 1847 г. почти дословно повторено в словарях иностранных слов, составленных В.Н. Угловым (СПб., 1859) и А.Д. Михельсоном (М., 1861). В «Полном словаре иностранных слов» (СПб., 1861) дефиниция несколько изменена: «**Форрейтор**, нем. Управляющий передней парю лошадей, при запряжке цугом» (С. 534).

Сравним с определением *фор(р)ейтора* данное в том же академическом словаре 1847 г. определение термина *кучер*: «**Кучер** [...] Управляющий лошадьми, впряжёнными в повозку; возница». Кучер, как правило, сидел на козлах, но иногда мог править и с лошади (но и в этом случае он не назывался форейтором). В своих «Воспоминаниях» (1846) Ф.В. Булгарин описывает «старинный Польский дорожный поезд» (ч. I, гл. II):

«Матушка с сёстрами и со мною ехала в четверместной огромной карете, на *пасах*, (т.е. на ремнях, потому что рессоры тогда мало употреблялись), запряжённой цугом, в шесть сивых

лошадей, без форейтора. Кучер правил с лошади, а не с козел [...] За каретою шла коляска, запряжённая цугом четырьмя карими жеребцами, и кучер также правил с лошади, без форейтора».

Ср. у Г.Ф. Квитки (Основьяненко) в «Пане Халявском» (1840):

«Так, уже к полудню, часов в одиннадцать, сурмы засурмили, бубны забить — едет сам, едет вельможный пан полковник в своем берлине; машталер то и дело хлопает бичем на четверню вороных коней, в шорах посеребрёных, а они, без фореса, по теперешнему форейтора, идут на одних возжах машталера, сидящего на правой коренной»⁷.

«Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля (М., 1866. Ч. IV. С. 490) фактически закрепляет за словом *форейтор* хорошо знакомое нам правописание (с одной буквой *-р-* и финальным *-ор*): «**Форейтор** м. немц. выносной, вершник с выносом, в упряжи четверней и шестерней». При этом в I части словаря Даль использует форму *форейтер*: «**Вершник** [...] верховой, верхом едущий, конный, конник, ездок; || ездовой, выносной, форейтер»; «**Выносной** [...] вершник на вы(у)носе, уносный, форейтер» (Там же. М., 1861. Ч. I, вып. 2. С. 162; Ч. I, вып. 3. С. 268)⁸.

В языковых пособиях начала XX столетия написание *форрейтор* уже признавалось ошибочным, как это следует из указаний «Опыта словаря неправильностей в русской разговорной речи» В.Р. Долопчева, одобренного Я.К. Гротом (Изд. 2-е. Варшава, 1909).

⁶ Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Содержащий разные в Российском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значение которых не всякому известно (СПб., 1806. Ч. III. Стб. 1033). Большой академический «Словарь современного русского литературного языка» считает это первой лексикографической фиксацией обсуждаемого слова.

⁷ *Машталер* — от устаревшего ныне польского *masztalerz* (конюший, старший конюх).

⁸ К терминологии, используемой в определениях, ср.: «*Вынос*, в упряжи, построжки с принадлежностью передних лошадей, при езде с вершником, унос» (Там же. М., 1861. Ч. I, вып. 3. С. 268).

Старые словари не указывают одной важной особенности форейторского дела: как правило, форейтором был подросток или даже маленький мальчик. О мальчиках-форейторах упоминают старшие и младшие современники Пушкина.

Ср. в «Записках» Н.И. Греча: «Должно знать, что в те времена бв конце XVIII в. — И. Д., И. П. с мальчики форейторы кричали *пади* с громким продолжительным визгом и старались выказать этим свое молодечество»⁹. Ровесник и приятель Пушкина и Мицкевича Осип Пржецлавский вспоминал 1820-е годы: «[...] всё что было аристократия или претендовало на аристократию, ездило в каретах и колясках четвернею, цугом, с форейтором. Для хорошего тона [...] требовалось, чтобы форейтор был, сколь можно, маленький мальчик, притом, чтобы обладал одною, насколько можно, высокою нотой голоса, даже выше грудного *ut* покойного Рубини. Ноту эту, со звуком *и!*... означающим сокращенное «поди», он должен был издавать без умолку и тянуть как можно долее, например от Адмиралтейства до Казанского моста. Между мальчиками-форейторами завязывалось благородное соревнование, кто кого перекричит, и когда вы шли по Невскому проспекту, то у вас в ушах постоянно пищало это нескончаемое “и.....!”»¹⁰.

Герой лесковского «Очарованного странника» (1874) сел «на форейторскую подседельную» 11-летним мальчиком:

«А мне в ту пору, как я на форейторскую подседельную сел, было ещё всего одиннадцать лет и голос у меня был настоящий та-

⁹ О крике *пади!* см. в нашей книге «Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки» (М., 2008. С. 50–63).

¹⁰ Русская Старина. 1874. Т. XI, кн. XI. С. 469–470; *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1980. С. 141–142.

кой, как по тогдашнему приличию для дворянских форейторов требовалось: самый пронзительный, звонкий и до того продолжительный, что я мог это «дддиди-и-и-ттты-о-о» завести и полчаса этак звенеть [...]».

Характерной приметой и кучера и форейтора был громкий голос, способный разгонять прохожих. Это нужно помнить, чтобы оценить лицейскую пародию Дельвига «На смерть кучера Агафона»:

Глас молодецкий не прольётся,
И путник от тебя уж не зажмёт ушей,
И при сияньи фонарей
Уж глас форейтора тебе не отзовется [...].

Маленькие форейторы, работающие под наблюдением взрослого кучера, упоминаются и в других произведениях русских классиков. Ср. у С.Т. Аксакова в «Очерках помещичьего быта» («Наташа», 1856):

«Кучер Трофим, выпрягая коренных из четвероместной кареты, крепко сердился на форейтора Сидорку: «Счастлив ты, собачий сын, что воротились, говорил он хриплым басом. Я бы на первой кормёжке нагрел те спину. Вишь, как упарил подседельную! Разве я те не кричал: держи, не давай натягивать постромок». «Да кто её дядюшка сдержит? раздавался пискливый и плаксивый голос форейтора. Ведь ты сам знаешь, какова она в голове-то крепка; все руки вытянула...». «Я те вытяну. Ну, ну, ну, веди лошадей-то твоих», ворчал Трофим (человек незлой, но любивший припугнуть форейтора Сидорку), увводя в конюшню четвёрку вспаренных коней».

У И.С. Тургенева в «Степном короле Лире» (гл. XI, 1870):

«В назначенный день большая наша фамильная четвероместная карета, запряжённая шестериком караковых лошадей,

с главным «лейб-кучером», седобородым и тучным Алексеичем на козлах, плавно подкатилась к крыльцу нашего дома [...] Сквозь настежь растворенные ворота вкатилась наша карета на двор; крошечный форрейтор, едва достававший ногами до половины лошадиного корпуса, в последний раз с младенческим воплем подскочил на мягком седле, локти старика Алексеича одновременно оттопырились и приподнялись — послышалось легкое тпру-кание и мы остановились».

Приведём также цитату из «Воспоминаний о крепостном праве» Вл. Сорокина (Русская Старина. 1909. Т. СXXXVII, кн. II. С. 399):

«В большие годовые праздники по главным улицам столицы нередко мчались огромные, роскошные кареты четвёркою откормленных тысячных коней, с мальчиком-форрейтором впереди, звонко оравшим во все горло: «па-а-ди!» а на широких, монументальных козлах, украшенных яркой покрывкой с бахромой и большими кистями, величественно восседал ещё более монументальный кучер, непременно огромного роста, плечистый, с бородою лопатой во всю грудь и с необыкновенно пышным задом».

У Пушкина в набросках повести «На углу маленькой площади...» форейтор — тоже подросток или ребёнок; его зависимость от взрослого кучера подчёркнута в черновом варианте: «Кучер спал лёжа на козлах, а форейтор пользуясь сим случаем играл в снежки с дворовыми мальчишками» (Полн. собр. соч. М.; Л., 1937–1949. Т. 8, кн. 2: 726 примеч. 11). На представлении о нежном возрасте форейторов построена острая преддуэльная шутка Пушкина по поводу И. М. Борха (чьим именем был подписан диплом рогоносца, присланный Пушкину 4 ноября 1836 г.):

«По дороге [к месту дуэли. — И.Д., И.П.] им [Пушкину и его секунданту К. Данзасу. — И.Д., И.П.] попались едущие в карете четвернёй, граф И.М. Борх [...] с женой рбожденнойс Гольнской. Увидя их, Пушкин сказал Данзасу: «Voilà deux menages exemplaires» (Вот две образцовых семьи) и заметя, что Данзас не вдруг понял это, он прибавил: «ведь жена живёт с кучером, а муж — с форейтором»¹¹.

Первым комментатором, заметившим не совсем обычный облик ларинского *форрейтора*, был Ю.М. Лотман, который истолковал его изрядный возраст как «свидетельство патриархального уклонения Лариных от требований моды: форейтор должен был быть мальчиком, модно было, чтобы он был крошечного роста» (Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий... С. 321). Творчески развивая мысль Ю.М. Лотмана, автор статьи «Форрейтор» в «Онегинской энциклопедии» добавляет: «Поскольку, живя в провинции, трудно уследить за тонкостями столичной моды, то форейтор оказывается бородатым».

Более адекватная интерпретация была в своё время предложена в книге В.В. Вересаева «Записи для себя» (Собр. соч. М., 1961. Т. 5. С. 481). Вересаев удивляется, как «одной маленькой чёрточкой, буквально двумя словами, Пушкин умеет дать тончайшую характеристику лицу или положению», и приводит несколько интересных примеров, в том числе пример из седьмой главы «Онегина»:

«Мать Татьяны собирается везти её в Москву. Описывается сцена отъезда. Впрягают лошадей в «забвенью преданный возок».

**На кляче тощей и косматой
Сидит форейтор бородатый.**

Почему «бородатый»? Форейторами ездили обыкновенно совсем молодые парни, чаще даже — мальчишки. Вот почему Ларины безвыездно сидели в деревне и далёких путешествий не

¹¹ Щёголев П.Е. Пушкин: Исследования, статьи и материалы. М.; Л., 1928. Т. I: Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. Изд. 3-е, просмотр. и доп. С. 448.

предпринимали. И вот вдруг — поездка в Москву. Где уж тут обучать нового форейтора! И взяли старого, который ездил ещё лет пятнадцать-двадцать назад и с тех пор успел обрасти бородой. Этим «бородатым» форейтором Пушкин отмечает домо-седство семьи Лариных. (Наблюдение насчёт форейтора сделано Г.Б. Орентлихером, концертмейстером Радиокомитета.)»

Аналогичную ситуацию описывает в своих «Воспоминаниях» младший знакомец Пушкина граф В.А. Соллогуб, рассказывая о своей бабушке Е.А. Архаровой (гл. II):

«Бабушка садилась в карету. Но, Боже мой, что за карета! Её знал весь Петербург. Если я не ошибаюсь, она спаслась от московского пожара. Четыре клячи, в упряжи простоты первобытной, тащили её с трудом. Форейтером сидел Федотка... Но Федотка давно уже сделался Федотом. Из ловкого мальчика он обратился в исполина и к тому же любил выпить. Но должность его при нём осталась навсегда, так как старые люди, вообще, перемен не любят. Кучер Абрам был более приличен, хотя весьма худ [...] На улицах, когда показывался бабушкин рыдван, прохожие останавливались с удивлением, или весело улыбались, или снимали шапки и набожно крестились, воображая, что едет прибывший из провинции архиерей».

По всей видимости, примерно так же должны были воспринимать ларинскую процессию московские прохожие.

В сатирическом преломлении тема стареющего форейтора проходит у Щедрина в «Наших глуповских делах» (1861), где приводятся выдержки из «журнала» (дневника) помещика Флора Лаврентьича Ржанищева:

«9 Ноября. По обыкновению, встал, умылся и помолился Богу. Утром выбирали с Настасьей Петровной нового форейтора, вместо Андрюшки, который от старости стал сед и вырос безобразно. Однако,

за душевною смутой, ни на ком остановиться не мог. Чорт их знает, а в ихнем звании и законы природы как будто власти не имеют. Вот Андрюшке давно бы уж пора перестать расти, а он растёт себе да растёт, как ни в чем не бывало. А говорят ещё, что мало кормим! Во сне видел птицу».

«22 Ноября. Был на гумне... совсем не так молотят! Однако, решил переносить с кротостью. Сбирали дворовых мальчишек для выбора форейтора, но решили, что мысль эту надобно оставить. На что храбра Настасья Петровна, но и та, взглянув на сие сборище, воскликнула: «ах, друг мой! если ты хочешь, чтоб я была покойна, не веряй мою жизнь этим разбойникам!»

Хотя «для хорошего тона», как пишет Пржецлавский, требовался крошечный форейтор, в целом, конечно, дело шло не столько о моде, сколько о профессиональной необходимости: форейтор должен быть лёгким, иначе лошади трудно будет его везти. Очевидно, мода состояла не в том, чтобы форейтор был маленький, а в том, чтобы он был *очень* маленький. Иногда в форейторы брали не мальчиков, а сухопарых мужичков. Л.Н. Толстой рассказывал П.И. Бирюкову (Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 34. С. 403):

«У отца была пара своего завода вороных очень горячих лошадей. Кучером был Митька Копылов. Он же был стремянным отца, ловкий ездок, охотник и прекрасный кучер и, главное, неоценимый форейтор. Неоценимый форейтор потому, что при горячих лошадях мальчик не мог бы управляться с ними, старый же человек был тяжёл и неприличен для форейтора, так что Митька соединял редкие качества, нужные для форейтора. Качества эти были: малый рост, лёгкость, сила и ловкость».

Основные функции и качества форейторов резюмировал Ю.А. Федосюк: «При запряжке цугом на одной из передних

лошадей непременно сидел верхом **форейтор** (в переводе с немецкого — передний всадник), в народном произношении **фалетор**, обычно мальчишка или же, как исключение, взрослый человек малого веса, чтобы не отягощать лошади. Обязанностью форейтора было управлять передней парой лошадей, которые служили направляющими для остальных»¹².

Итак, комизм сочетания *форейтор борода-тый* зиждется на несоответствии между профессиональной возрастной нормой и реальным возрастом персонажа. Такой же комический эффект возникает при чтении «Двенадцати стульев» (гл. XXXII), когда под видом «шустрого мальчика-ассистента» Остап проводит на пароход пожилого Ипполита Матвеевича Воробьянинова:

«— Вот это ваш мальчик? — спросил завхоз подозрительно.

— Мальчик, — сказал Остап, — разве плох? Кто скажет, что это девочка, пусть первый бросит в меня камень!»

В 1960-е годы в академической лексикографии были исправлены неточности, допущенные ранее при толковании слова *форейтор*. В предпоследнем томе большого академического «Словаря современного русского литературного языка» (1965) определение, взятое из 4-томного «Словаря русского языка» (1961), было скорректировано путём замены существительного *кучер* субстантиватом *верховой*: «**Форейтор** [...] Верховой, сидящий на передней лошади при запряжке цугом». Составители опирались на опыт советского «Словаря иностранных слов», первые шесть изданий которого (1937–1964) давали следующее определение: «**форейтор** — нем. [Vorreiter] — верховой, правящий передними лошадьми при запряжке цугом (гуськом)». Эта коррекция

¹² Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 1998. С. 200. В другом месте Ю.А. Федосюк неудачно называет мальчиков-форейторов кучерами-подростками (Там же. С. 151). Курьёзное «уточнение» имеется в статье «Форейтор» из учебного словаря-комментария: «Часто эту должность исполняли мальчики или лилипуты» (Салимова Л.И. Учебный словарь-комментарий к роману «Евгений Онегин». М., 2005. С. 158).

была в свою очередь перенесена во второе издание академического 4-томного словаря (М., 1981–1984), где сохранилась всё та же иллюстративная цитата из «Евгения Онегина»: «**Форейтор** [...] Верховой, сидящий на одной из передних лошадей, запряженных цугом. *На кляче тощей и косматой Сидит форейтор бородастый.* Пушкин, Евгений Онегин. [Нем. Vorreiter]».

Н. Ю. Шведова, редактировавшая ожеговский словарь, внесла аналогичную поправку в его 21-е издание (1989):

«**Форейтор** (устар.). В упряжке цугом: слуга, сидящий верхом на передней лошади». Однако из толкований академических словарей неясно, для чего, собственно, «верховой» или «слуга» забирался «на переднюю лошадь» и «сидел» на ней. Кроме того, как мы видели, пушкинская фраза носит откровенно несерьёзный характер, поэтому она вряд ли может служить образцом словоупотребления и в таком качестве использоваться в нормативном универсальном толковом словаре.

Вызывает сомнение и присутствующее в словарных описаниях форейтора слово *слуга*. Дело в том, что собственно слуги ездили на запятках кареты, которые академический словарь 1847 г. (а вслед за ним — В.И. Даль) определяет как «место позади экипажей, где становятся или садятся слуги». Стоящие на запятках слуги составляли — в дополнение к кучеру и форейтору — непременную принадлежность богатого экипажа; ср. в ярком изображении Белинского (Молва. 1836. Т. XI, № 11. С. 301):

«Вот катится по звонкой мостовой великокопная карета, которую мчит, как ветер, шестерня лихих лошадей; форейтор кричит громко «пади»; сановитый кучер с окладистой бородой ловко правит рьяными бегунами; две длинные статуи в ливреях горделиво стоят назад; треск, гром, пыль; мелкие экипажи сворачивают, прохожие бегут».

Более скромная карета — с одним лаке-
ем — описана в «Воспоминаниях»
А.М. Достоевского (Л., 1930. С. 34):

«Изредка, раза два в месяц, скромная улица
Божедомки оглашалась криком форейтора
«Пади! Пади! Пади!..» и в чистый двор
Мариинской больницы въезжала двуместная
карета цугом в четыре лошади и с лакеем
на запятках и останавливалась около крыль-
ца нашей квартиры; это приезжали: тетенька
Александра Фёдоровна и бабенка Ольга
Яковлевна».

Народную форму *фалетор*, о которой гово-
рит Ю.А. Федосюк, отметил ещё
Ф.И. Рейф в своём «Русско-французском
словаре... или Этимологическом лексиконе
русского языка» (СПб., 1836. Т. II.
Стб. 1013). Подобные народные преобразо-
вания немецкого *Vorreiter* в толковые словари
XX столетия не допущены. Исключение со-
ставляет 3-е издание словаря Даля, куда
И.А. Бодуэн-де-Куртенэ добавил «народ-
ные» формы *фолётор* и *фалётар* (без ука-
зания диалектной отнесенности). А.И. Собо-
левский приводил без стилистических и диа-
лектологических помет форму *фалётур*
(мн. ч. *Фалетурá*). В этимологическом сло-
варе М. Фасмера со ссылками на предше-
ствующие исследования зафиксированы новго-
родские формы *фалётур*, *валётур* и смолен-
ская *хволётар*. В «Словарь русских народ-
ных говоров» две последние формы не попали

(и, судя по его «Инверсионному индек-
су», никогда не попадут).

Между тем словарные сведения о транс-
формациях немецкого *Vorreiter* на русской
почве могли бы пригодиться при чтении
отечественной классики. Форма *фалетор*
встречается у Тургенева в поэме «Поме-
щик» (1845), в повести «Бретёр» (1846)
и в рассказе «Льгов» из цикла «Записки
охотника» (1847), в воспоминаниях
Н.И. Греча (ч. I, 1851), в драме А.Н. Ос-
тровского «Воспитанница» (1858), в пове-
сти Д.Н. Мамина-Сибиряка «Братья Гор-
деевы» (1891); форму *фалетур* находим
у Некрасова («Кому на Руси жить хоро-
шо», ч. II, 1872), у Щедрина («Ташкент-
цы приготовительного класса. Параллель
вторая», 1871; «Пошехонская старина»,
1887), у Мамина-Сибиряка («Три конца:
Уральская летопись», 1890), форму *фале-
торы* — у Льва Толстого («Декабристы»,
гл. I, вариант, 1878).

О механизме варьирования языковых форм
рассуждал на досуге Козьма Прутков
(«Выдержки из моего дневника в деревне»,
1876): «Тот, кто вместо рубль, корабль,
журавль, говорит рупь, карапъ, журавъ, тот
наверное скажет коллдор, фалетор, кунья,
галдарея». Обратим внимание на то, что
в первом ряду все слова исконно русские,
а во втором — заимствованные: немецкое
слово *Vorreiter* за два века жизни в России
так и не было окончательно освоено.

Сегодня слово *форейтор* устарело и стало
камнем преткновения для лексикографов
и комментаторов.

Такой удивительный памятник
открыт в г. Челябинске